

Litera

Правильная ссылка на статью:

Цзян Ю. Причины популярности и генезис восточной тематики в русской литературе 1920-х годов (на примере творческого наследия Вс. Иванова и его современников) // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75643 EDN: RDNHAL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75643

Причины популярности и генезис восточной тематики в русской литературе 1920-х годов (на примере творческого наследия Вс. Иванова и его современников)

Цзян Юньсюе

ORCID: 0009-0000-2797-1390

аспирант; кафедра русской литературы; Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. набережная реки Мойки 48

✉ jyx-1@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75643

EDN:

RDNHAL

Дата направления статьи в редакцию:

25-08-2025

Аннотация: Статья посвящена раскрытию восточной тематики в советской литературе 1920-х годов. Цель исследования кроется в выявлении истоков популярности и основной тематики подобных сюжетов. Предметом исследования является образ Востока в русской литературе, рассматриваемый через призму творчества Вс. Вяч. Иванова (Всеволод Вячеславович Иванов) и его современников. В результате автором были установлены ключевые детерминанты интереса советских писателей к Востоку: желание осмысливать происходящие события, эстетическая тяга к экзотическому, поиск ответов на вечные темы, разочарование в западном рационализме. Также был проведен детальный разбор многообразия образа Китая и китайцев в прозе Вс. Вяч. Иванова («Возвращение Будды», «Бронепоезд 14-69», «История Чженъ-Луня, искателя корня шень-жень», «Похождения факира») и других советских писателей, активно творивших в 1920-х годах. В процессе написания данной статьи использованы сравнительно-исторический анализ (при выявлении репрезентативных произведений эпохи и их контекстуализации),

историко-культурный анализ (при оценке литературно-исторического значения рассматриваемого явления), мотивный анализ (при выявлении характерных черт восточных мотивов), описание (при представлении ключевых проблем, волнующих умы советских писателей 1920-х гг.). Научная новизна проведённого исследования кроется в обобщении и сравнении особенностей отражения образа Востока в работах советских писателей 1920-х гг. Материалы, полученные в рамках написанной статьи, представляют собой большую ценность для специалистов в области истории русской литературы XX века и культурологии. Они могут быть использованы при разработке учебных курсов по указанным дисциплинам, а также при дальнейшем углубленном изучении творчества Вс. Вяч. Иванова. Было выявлено, что рассматриваемый пласт русской литературы был сложным, динамичным явлением, порожденным уникальным стечением исторических и культурных факторов. Данная взвешенная оценка роли восточных сюжетов 1920-х гг. В дальнейшем важно сосредоточить усилия научного сообщества на исследовании образов различных стран, в том числе восточных, в произведениях русскоязычной литературы.

Ключевые слова:

советская литература, литературное искусство, проза, 1920-е годы, XX век, Вс. Вяч. Иванов, русские писатели, образ Востока, восточная тематика, художественная антропология

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактом, что в 1920-е годы в России произошла не только политическая, но и культурная революция. Из-за таких перемен многие писатели и поэты стали воспринимать и описывать Восток совершенно по-новому. Традиционная ориентальная тематика перестала быть объектом романтического идеализирования. Вместо этого она превратилась в средство формирования национальной идентичности в контексте конструирования нового мира, что наиболее ярко проявляется в творчестве Вс. Вяч. Иванова, Б. А. Пильняка и ряда их современников. К другим причинам значимости восточных мотивов относились разочарование в ценностях европоцентризма, желание познать нечто новое и др. К тому же, в последние годы наблюдается рост интереса к творческому наследию Вс. Вяч. Иванова, о чем свидетельствуют переиздания его произведений. Например, в 2012 году в серии «Литературные памятники» была опубликована книга рассказов «Тайное тайных», которая позволила по-новому взглянуть на роль восточной тематики в литературе 1920-х годов.

Цель данной статьи заключается в осмыслении причин популярности и тематики восточных сюжетов, представленных в произведениях советских авторов 1920-х гг.

Поставленная цель обусловила необходимость решения исследовательских задач:

- выявить и охарактеризовать факторы, которые обусловили повышенный интерес советских авторов первой половины XX века к восточной тематике;
- проанализировать особенности художественного воплощения восточных мотивов в творчестве писателей указанного периода;
- описать творческий подход Вс. Вяч. Иванова, который связан с разработкой восточной

проблематики, а также сопоставить с подобными художественными решениями его современников;

– оценить место восточных сюжетов в общей парадигме русской литературы 1920-х годов.

Объект исследования – русская литература 1920-х гг.

Предметом исследования является образ Востока в русской литературе, рассматриваемый через призму творческого наследия Вс. Вяч. Иванова (Всеволод Вячеславович Иванов) и ряда его современников.

Решение поставленных задач требует применения комплекса взаимодополняющих методов:

- историко-культурный анализ используется для погружения в интеллектуальную атмосферу эпохи;
- сравнительно-исторический анализ позволяет сопоставить художественные решения различных авторов в области изображения образа Востока;
- мотивный анализ применяется для интерпретации элементов, структурирующих образ Востока (например, мотив пути, стихии, духовной трансформации).

Несмотря на наличие работ, посвященных творчеству отдельных представителей советской литературы 1920-х гг., целостная картина остается фрагментарной. *Научная новизна исследования* кроется в том, что данная статья позволяет сопоставить способы презентации восточной проблематики в произведениях ключевых авторов указанного периода.

Результаты исследования

1. В отличие от эскапистских устремлений романтиков XIX века (например, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов), советские писатели 1920-х гг. обратились к восточным темам, чтобы высказать свое мнение по поводу революций в Китае и Советском Союзе, а также пытались найти новые идеи, разочаровавшись в доводах западной рациональной философии. В отличие от своих современников, Вс. Вяч. Иванов воспринимает Восток как мир высокой культуры и духовности.
2. Советские читатели воспринимали Китай как страну, которая борется против колониализма. Эта освободительная борьба перекликается с российским историческим опытом. Она развеяла стереотипные представления о Китае как о загадочной экзотической стране.
3. Интерес к Востоку в советской литературе стал способом сохранения культурной памяти в период, когда революция разрушала старые устои.

Основная часть

1. Факторы популярности восточной тематики в советской литературе 1920-х гг.

Генезис проблематики Востока в русской литературе охватывает несколько столетий. Её формирование детерминировано устойчивым интересом прозаиков и поэтов к истории, культуре и философии восточных народов, а также geopolитическими трансформациями, которые существенно влияли на их восприятие восточного мира. Как правило, нарративы выстраиваются вокруг приграничных регионов России и стран Азии, которые

выполняют в произведениях не только фоновую функцию, но и становятся многогранными объектами художественного исследования.

Анализ образа Востока невозможен без точного терминологического аппарата. Ключевыми понятиями в этой области выступают «ориентализм», а также «ориентальные» и «ориенталистские мотивы». Однако иногда случается так, что многие авторы используют их как взаимозаменяемые синонимы, и это приводит к смысловым искажениям в текстах, которые не отражают аутентичность восточных культур в полной мере. Поэтому следует рассмотреть их поподробнее.

Впервые явление ориентализма появилось в научных трудах Э. Саида в 1978 году, где воспринималось в качестве системы представлений, которая была сконструирована Западом для подчинения Востока (тот часто изображается как «отсталый», «деспотичный», «экзотичный», «отчужденный» в восприятии европейцев) [1]. В. В. Вяльых отмечает, что процесс властовования западных ценностей осуществляется путем их трансляции в качестве доминирующих [2]. А. А. Дроздова приводит соответствующий пример: «в отношении Китая существует типичное представление о том, что там едят насекомых, но при этом не учитывается то, что в действительности это происходило из-за нехватки продовольствия и частых голодных лет» [3, с. 63].

В научном сообществе также часто встречается выражение «ориентальные мотивы» (или восточные), под которым, согласно мнению Е. А. Смышляева, подразумевается «устойчивый формально-содержательный компонент художественного текста, воплощенный в системе константных образов, которые сохраняют свою соотнесенность с ценностным предметным миром восточной культуры» [4, с. 218]. Им противопоставляются «ориенталистские мотивы», которые, как отмечает Е. Д. Андреева, выражают творческие стремления к выражению специфики «взаимодействия западной и восточной цивилизаций, их культурного различия или восприятия западным человеком природы и быта Востока» [5, с. 31].

Следовательно, рассматриваемые термины, пусть и различаются друг от друга по смыслу, выражают представления о Востоке, которые сложились на Западе. Ориентализм трактуется как инструмент для критики западной гегемонии, игнорирующей достижения других культур. Ориентальные мотивы же имеют аутентичный характер, так как появляются и распространяются внутри восточных обществ. В противоположность им выделяются ориенталистские мотивы, которые рассматривают специфику взаимодействия Запада и Востока.

Обращаясь к причинам возникновения широкого интереса советских писателей к Востоку, становится ясно, что подобное явление далеко не ново, о чем свидетельствуют художественные произведения А. С. Пушкина («Я видел Азии бесплодные пределы...») и М. Ю. Лермонтова («Измаил-бей», «Демон»). Однако если для романтиков XIX века ориентальные темы были способом эскализма в условиях нестабильной, переменчивой эпохи, то советские писатели столкнулись с необходимостью распространения риторики антиколониализма. Многие из них также разочаровались в доводах европоцентризма, в связи с чем искали альтернативу в восточных моделях мышления, другие же стремились выразить мнение по отношению к революции, затронувшей как Китай, так и Советский Союз.

Такого мнения придерживается и А. А. Красноярова, которая считает, что в глазах советских читателей Китай стал символом страны, освобождающейся от колониализма на

пути к национальному самоопределению. Подобная картина вызывала прямые ассоциации с российской историей, в результате чего китайцы стали восприниматься как «братья» [6, с. 90]. В этой связи уместно обратиться к словам М. А. Литовской и Яо Чэнчэн об этой великой нации: «китайцы перестали быть таинственными экзотическими персонажами с ваз и картинок, воплотились в реальных торговцев, держателей прачечных, циркачей, землекопов, солдат – реальных людей, но необычной внешности и поведения» [7, с. 134].

Необходимо учитывать и институциональный аспект: создание научных центров востоковедения (например, Коллегии востоковедов при Азиатском музее) способствовало распространению знаний о восточной культуре в обществе, и, как следствие, к появлению тематических переводческих материалов. И. А. Фомин соглашается с такой мыслью, отмечая, что писатели сознательно боролись со стереотипами, преобладавшими в российском обществе [8].

В данный временной промежуток возникло множество творческих объединений, каждое из которых стремилось адаптировать эстетические принципы к ожиданиям общества в контексте изменившихся социально-политических условий. Среди наиболее значимых коллективов выделялись «ЛЕФ» (Левый фронт искусств) и «Серапионовы братья», находившие в восточной тематике неисчерпаемый источник вдохновения для новаторских художественных решений. Причины их появления простирались от сугубо материально-бытовых (совместное выживание в условиях разрухи и голода) до идеино-эстетических (различные художественные пристрастия). Представителями ЛЕФа стали В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак, Н.Н. Асеев и др., которые стремились к созданию утилитарного искусства. В их манифестах провозглашалось, что искусство должно быть рациональным, то есть создаваться не по вдохновению, а продуманно. Восточные сюжеты позволяли отразить им повседневность представителей национальных меньшинств.

В отличие от ЛЕФа, объединение «Серапионовы братья», возникшее в Петрограде в 1921 году, подходило к восточным сюжетам с иной позицией. Ее название было заимствовано из сборника новелл немецкого романика Э. Т. А. Гофмана, где фигурировало литературное содружество имени пустынника Серапиона. В группу входили такие писатели, как М. М. Зощенко, Вс. Вяч. Иванов, В. А. Каверин, Л. Н. Лунц, Н. С. Тихонов, К. А. Федин, которые выступали за высокое качество производимых образцов искусства. Многие из них использовали восточные мотивы, стремясь выйти за пределы европейской культурной традиции.

2. Художественное воплощение восточной тематики в творчестве советских писателей 1920-х гг.

Рассмотрим наиболее репрезентативные восточные тексты крупнейших писателей рассматриваемого периода.

Так, например, в поэме «Сами» (1920) Н. С. Тихонов вводит образ индийского мальчика, который борется против гнета британских колонизаторов. Писатель намеренно отказывается от презентации психологических качеств героя. В тексте он описывается как «отбитый от стада козлёнок», и его роль сводится к выражению голоса угнетенного народа.

Поездка в Туркменистан дала писателю импульс к созданию нового произведения, и в 1931 году выходит сборник очерков «Кочевники». Его восхищает стойкий характер

местных жителей («они очень красивы, стройны, необыкновенно сильны»), ибо они остаются непоколебимыми в контексте внешних угроз, к которым относятся холодные ночи, хлипкие дома, злые собаки. Привычные образы приобретают иной смысл: например, в прошлом караван символизировал вечное блуждание по пустыне, теперь же он воспринимается как аллегория революционного шествия к социализму, то есть к светлому будущему. В произведениях Б. А. Пильняка, таких как повесть «Китайская повесть» (1923), отражены моменты, позволяющие познакомиться с повседневными днями китайцев: приготовление пищи на угольных жаровнях, вышивка шелком, суеверия, связанные с духами предков, чайные церемонии. Автор сознательно отказывается от романтизации восточной действительности. Вместо этого он детально фиксирует условия жизни граждан, которые находятся в довольно уязвимом положении: их окружают бедность, антисанитария, социальная несправедливость.

В романе «Мятеж» (1925) Д. А. Фурманов рассказывает о Верненском мятеже, развенчивая мифы о «бунтующей Азии». К примеру, образы местных жителей (казахов, киргизов) лишены экзотики. Они показаны борцами, чьи действия мотивированы социальной несправедливостью, голодом, а не «врождённой мятежностью».

Авторский замысел К.К. Вагинова в «Козлиной песни» (1928) заключается во внедрении восточных мотивов в контекст петербургской культуры. Монгол Батаров символизировал варварское начало, угрожающее европейскому утонченному декадентству, в связи с чем сцены в буддийском храме послужили метафорой распада имперской идентичности, где Восток становится зеркалом, который отражает распад собственной культурной традиции.

Литературные обработки фольклора народов Востока, предпринятые Х. Г. Бахтиаровым (записки «Туркменские легенды. Рассказы, поговорки и поверья», 1927), также отражали реалии нового социалистического общества. Это выражалось в трактовке любых магических элементов как пережитков суеверия («долгийвой собаки предвещает беды»).

Другой писатель-эмигрант Б. К. Зайцев написал роман «Золотой узор» (1926), который был создан под впечатлением от поездки в Константинополь. В нем образ Османской империи представляется как символ отражения тоски по утраченной России: для этого были изображены полуразрушенные мечети, дервиши, базары Стамбула. Мотив «золотого узора» выражал скорби по сакральному единству Востока и Запада, утраченному в революции.

Примечательно, что в рассматриваемый временной промежуток одновременно работали два писателя созвучными именами, чьи произведения на восточную тематику нередко путали читатели: Всеволод Никанорович Иванов (Вс. Н. Иванов) и Всеволод Вячеславович Иванов (Вс. Вяч. Иванов). Однако их стоит различать. Вс. Н. Иванов опубликовал стихотворения «Голубой дракон» и «Китайцы», где лирический герой осмыслияет две главные ипостаси жизни: труд и праздник. Центральные образы «Голубого дракона» предстают как вечные воплощения нравственных идеалов Востока («Как само небо древний, // Царственный синий дракон»)^[9]. А Вс. Вяч. Иванов прославился повестью «Бронепоезд 14-69», где он показал многогранный Восток, изобразив и беспощадного японца, и благородного китайца; созданные им персонажи перекликаются с героями китайской литературы тех лет. При этом авторское понимание Востока проявляется не только в персонажах, но и скрыто: в использовании национальных символов, наделенных подлинным философско-мифологическим подтекстом.

Исходя из вышесказанного, в произведениях советских писателей 1920-х гг. образ Востока предстает сложным конструктом, выполняющим различные идеино-эстетические функции. В творчестве Н. С. Тихонова и Х. Г. Бахтиарова он стремится к революции и светлому будущему. В отличие от перечисленных писателей, Б. А. Пильняк воспринимает Восток как инструмент обличения империализма, где бытовые сцены становятся свидетельствами системной эксплуатации. Д. А. Фурманов углубляет эту антиколониальную перспективу, делая Восток ареной классового конфликта, подтверждая мысль о том, что битва против колониализма тождественна борьбе пролетариата против буржуазии, тем самым стирая бинарность «Запад–Восток». Философский характер имеют произведения Вс. Н. Иванова, который искал ответы на вечные, общечеловеческие вопросы.

В перечисленных текстах главные герои не являются стереотипными азиатами, вместо этого их роль сводится к выражению нужд общества (казахи Д. А. Фурманова), отражению вневременной этики (дракон Вс. Н. Иванова), рассмотрению угроз цивилизации (Батаров у К.К. Вагинова).

Следовательно, в прошлом Восток ассоциировался с чем-то загадочным, таинственным, мистическим. В первой половине XX века все кардинально меняется. Как верно отмечает А.Ж. Алламуратова, восточные культуры «начинают приобретать конкретные очертания, с их городами, природой, людьми» [\[10\]](#). Писатели тех лет отказываются от стереотипных установок в сторону детального раскрытия психологии главных и второстепенных персонажей. Как отмечает Е.Ю. Перова, именно так они стремятся «найти идеал красоты в предметном мире» [\[11, с. 287\]](#). С ней согласна Д. А. Гаджиева, которая отмечает, что авторы прибегали к отражению восточных сюжетов, стремясь отразить «ключевые проблемы XX века: взаимодействие национальной культуры и государственной политики, а также европейские и восточные концепции природы зла» [\[12, с. 65\]](#).

Различные исторические события, которые происходили в России на рубеже XIX–XX веков, побудили интеллигенцию, включая писателей, переосмыслить вопросы, которые связаны с национальной самобытностью россиян. Благодаря этому восточная тема всегда оставалась актуальной для разных писателей: от А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, творивших в XIX веке, до И. А. Бунина, М. Горького, Л. М. Леонова, Б. Л. Пастернака, Б. А. Пильняка, М. А. Булгакова, Вс. Вяч. Иванова и др., которые писали свои творения в 1920-е годы. После революции интерес творцов к судьбам разных народов способствовал появлению множества произведений, исследующих их судьбу. Интерес к Востоку, захвативший писателей того времени, особенно ярко отразился в работах Вс. Вяч. Иванова.

3. Особенности изображения восточной тематики в творчестве Вс. Вяч. Иванова на фоне его современников.

Интерес Вс. Вяч. Иванова к йоге, магии, гипнозу и разным религиям, особенно к буддизму, возник в результате озарения, вызванного путешествиями его отца по Востоку. Этому также способствовал богатый опыт, приобретенный им во время странствий по Сибири, который он впоследствии использовал в своих работах, посвященных Востоку. Однако наиболее значимым событием в биографии рассматриваемого автора стало вступление в петроградское литературное объединение «Серапионовы братья» (где тот получил прозвище «Брат Алеут», и был причислен к восточному крылу) в 1921 году.

Мировоззрение Вс. Вяч. Иванова, сфокусированное на самодостаточности и внутренней

ценности местных культур, окончательно сформировалось под влиянием его уникального видения Востока. В отличие от большинства советских писателей 1920-х гг., которые использовали восточную тематику для изображения революционных потрясений, а также социальных катастроф в качестве нарративного фона, Иванов воспринимает Восток как «духовный мир, насыщенный высокой культурой, строгим аскетизмом, а также предоставляющий каждому человеку внутреннюю свободу», как отмечает Е.А. Папкова [13, с. 90]. Такая трактовка не только резко контрастирует с мейнстрим-нарративами того времени, но и свидетельствует о глубоко личном понимании философско-эстетического идеала Востока.

Так, например, автор написал повесть «Возвращение Будды» (1923), где исследует состояние человека, выброшенного из привычной жизни в водоворот исторического катаклизма. Он подчиняется естественному ходу событий: «Ах, этот поток жизни! Как он странен, непонятен и одновременно певуче нежен и кипуч!» [14, с. 51]. С такой проблемой пытается бороться профессор Сафонов, востоковед, сопровождающий статую Будды на поезде, который проезжает через Россию, охваченную Гражданской войной. Его миссия по возвращению священного артефакта, вывезенного царским генералом, символизирует не просто жест доброй воли со стороны советской власти, но и попытку сохранения духовной непрерывности в эпоху тотального разрушения. В таких обстоятельствах дорога становится метафорой поиска смысла бытия: «Безглазой дикой тьме мы противопоставим омытое европейской пытливостью благословенное, настойчивое шествие вперёд. Наши сердца! Я пока не знаю, куда, но хотя бы провести Будду через водопад, мор и голод» [14, с. 185].

Следовательно, Восток распространяет такие духовные ценности, как «созидание, внутренняя свобода, подвижничество», которые противопоставляются человеческой жестокости [15, с. 88]; неудивительно, что именно там будет «искать спасения для разрушающейся цивилизации» главный герой произведения [16].

Большое внимание стоит уделить и повести «Бронепоезд 14-69» (1922) (одноименная пьеса вышла спустя 5 лет), где писатель вводит образ китайца по имени Син-Бин-У, сражающегося не только против конкретных врагов, но и за воплощение мифа о Красном Драконе («лун»), который олицетворяет творческую энергию Неба [17]. Его героизм подчеркивается эпизодом, в котором он ложится на рельсы, чтобы остановить поезд противников. Акт самострела в затылок служит демонстрацией его готовности принять «белую смерть» (даосский принцип единства жизни и смерти) [18].

Это подчеркивает разницу в отношении к смерти по сравнению с русскими партизанами, к которым относится и Васька Окорок (он сказал фразу «Господи... и меня!» и умер); последующее превращение героя в кобру носит характер сакрального жертвоприношения высшим силам [18]. Следовательно, несмотря на то, что действие происходит в Сибири, на Дальнем Востоке России, географически близком к Азии, ключевое значение приобретает именно сердце революционной борьбы, где сходятся судьбы людей разных национальностей. Образ рассматриваемого героя вводится с целью представления мысли о том, что как русские, так и китайские партизаны едины в борьбе с общим врагом; их даже не остановят разные культурные традиции. Это соответствует мнению З. К. Темиргазиной, О. К. Андрющенко, Р. О. Асельдеровой и С. В. Николаенко, которое звучит следующим образом: «ключевой тенденцией восточной литературы того периода стало создание образа азиата, то есть убежденного носителя социалистической идеологии, самоотверженно борющегося за нее. Такие персонажи

служили доказательством прогрессивности советской доктрины, внедряемой в азиатских республиках, и символизировали начало преобразования восточных окраин» [\[19, с. 238\]](#).

Рассказ «История Чжень-Люня, искателя корня шень-жень» (1922), вошедший в сборник Вс. Вяч. Иванова «Седьмой берег», также создает яркий образ китайца. Он живет в горах Маньчжурии и мечтает отправиться в большой город (Шанхай), чтобы найти там настоящее счастье. Однако для осуществления своей мечты ему необходимо найти корень шень-жень, который способен даровать материальное богатство. В ходе своего путешествия главный герой встречает русского капитана и священного тигра.

В прозе Вс. Вяч. Иванова повествование строится на сложном сплетении контрастов, метафорических образов и символических обобщений. Для центрального персонажа Чжень-Люня Сихотэ-Алинь предстает местом, где неотъемлемая опасность существует в неразрывной связи с богатством: здесь сосуществуют и целебный корень шень-жень, смертоносные хищники – тигр, барс и красный волк. В противоположность этому, русский капитан воспринимает эти земли как катастрофическую реальность, требующую немедленного бегства. Чжень-Люнь обретает возможность преодоления судьбы не через её принятие, но через активное противодействие – поиск мистического корня шень-жения, который должен стать для него ключом к преображению. Символическим воплощением этого преображения становится Шанхай, то есть мифологизированный «город счастья», проецирующий западные идеалы беспредельного богатства и роскоши («*В Шанхае в фанзе можно пить сулею – рисовую водку. Можно курить опиум и рассказывать, как жил в тайге*») [\[20, с. 280\]](#).

Однако утопический образ Шанхая оказывается иллюзией, обнажающей трагический разрыв между мечтой об идеальной судьбе и суровой реальностью эпохи: внешнее процветание не гарантирует внутреннего освобождения. Жизненный путь героя окончательно утрачивает свою сакральность.

Ключевой поворот в сюжете происходит с неожиданным визитом русского «капитана». Он сообщает Чжень-Люню, что и Китай, и Россия погрузились в хаос войны: дома разрушены, торговые пути прерваны, а шень-жень потерял всякую ценность. Русский сам планирует пробраться в Маньчжурию или в Гирин. Чжень-Люнь, однако, с подозрением относится к этим словам, видя в них обман с целью завладеть корнем шень-женем, и вместо этого планирует использовать помощь капитана, чтобы убить белоухого священного тигра – существа, которого он, в силу своих культурных табу, победить не может. Внешне хилый русский капитан демонстрирует почти гротескную храбрость, убивая тигра, тогда как Чжэнь-Люнь, скованный священным статусом этого животного в китайской традиции, может лишь пассивно наблюдать из укрытия в траве. После этого происхождения их пути решительно расходятся: капитан продолжает свой путь в Маньчжурию, а Чжэнь-Люнь с нетерпением ищет встречи с русскими, которые смогут отвезти его в Шанхай в «железной клетке» — поезде, символе современной цивилизации в его представлении.

Вс. Вяч. Иванов создает живой и культурно достоверный образ китайца: его русская речь прерывиста, построена на коротких фразах и фонетически неточна; он одновременно осторожен и хитер, обладает ярко выраженными языковыми особенностями, сильной национальной самоидентификацией и твердыми верованиями, не склонен легко менять свои убеждения под влиянием чужих слов. Последующее описание путешествия составляет наиболее ироничный отрезок рассказа. Вс. Вяч. Иванов живописными мазками изображает лазурные волны, изумрудные луга и золотистые пески, что искусно усиливает радостное ожидание Чжень-Люня и его

надежды на богатую жизнь в Шанхае. Этот красочный пейзаж создаёт иллюзорную картину надежды, где внешняя красота природы контрастирует с недостижимостью мечты персонажа. Однако по мере того как дорога сужается, взору открывается вид на разрушенный и пустынный город-призрак. Берег, где когда-то кипела жизнь и трудились китайцы и корейцы, теперь безлюден и погружен в мертвеннюю тишину. Эта жестокая реальность окончательно подтверждает предупреждение капитана: беспощадная война уничтожила все, «нет русских, шень-жене не покупают. Китаю нет, бежит народ — бьет друг друга, бежит» [\[20, с. 276\]](#).

Полный крах утопической мечты и столкновение с адской реальностью окончательно ломают Чжень-Люня. В бездне отчаяния он направляет дуло ружья на свою шею и нажимает на спусковой крючок. А корень шень-жена, ради которого он положил все свои жизненные силы и который был выкопан с таким трудом, в этом хаотическом мире с разрушенной системой ценностей мгновенно падает, превращаясь в никому не нужный сорняк, разделяя участь своего хозяина. Смерть Чжень-Люня также обнажает ценность традиционной китайской культуры в трагедии судьбы: когда рушатся внешние идеалы, происходит разрушение внутреннего стержня мировоззрения, что неизбежно ведёт к добровольному уходу из жизни.

В романе «Похождения факира» (1935) скитания героя по просторам Сибири и Средней Азии представляется как архетипическое путешествие через «разлом эпох». То есть пространство романа становится мифологизированным ландшафтом внутренних испытаний, которые мучают главного героя. Хотя в нем отсутствует образ китайской цивилизации, вместо него присутствует Индия, противопоставленная серой реальности. По мнению Г. Н. Старченко, можно проследить особый авторский подход к отражению деталей: «Два мира, живущих в подвижном сознании героя, взаимопроникаемы. И это оказывается плодотворным: мир реальности насыщается отзвуками воображаемых картин, а фантастические видения конкретизируются внесением в них реальных бытовых проблем. Постепенно мир Индии настолько «обживается» сознанием героя, что обретает возможность стать основой для его усложнившихся фантастических видений» [\[21, с. 20\]](#).

Герой стремится уйти в мир фантазий, отсюда непонятно, что вымысел, а что реальность: «Фантастичность и вместе с тем — реальность — и я сам герой, чтобы придать наибольшую реальность, даже имя сохранил, а я мог бы взять, скажем, Пётр или Дмитрий» [\[22, с. 5\]](#). Впоследствии, когда факир выполняет цирковые трюки, их можно воспринимать в качестве актов магического преодоления смерти, восходящих к шаманским практикам. Каждый фокус предстает как попытка героя утвердить свою власть над хаосом, подчинить материю духу. Писатель также стремится отразить трансцендентность духовного: в finale произведения персонаж отказывается от своей магической силы, чтобы приобщиться к иному.

Исходя из вышесказанного, в творчестве Вс. Вяч. Иванова Восток предстает в качестве мира высокой духовности, искупления и внутренней свободы, который противостоит хаосу, жестокости современности. Подобное отличие от современников проявляется в отказе от стереотипов в изображении азиатов, а также использовании символов, наиболее распространенных в китайской мифологии. Так, в повести «Возвращение Будды» миссия по спасению статуи Будды становится духовным паломничеством сквозь войну, а в повест «Бронепоезде 14-69» китаец Син-Бин-У воплощает собой мифологизированный образ, (даосское принятие «белой смерти» через самоубийство на рельсах и последующее сакральное превращение в кобру-жертву). В рассказе «История Чжень-Люня, искателя корня шень-жене» корень шень-жене и бегство в утопический

Шанхай раскрывают Восток как пространство духовных поисков, а в романе «Похождения факира» скитания героя по Азии мифологизируются как паломничество сквозь «разлом эпохи», где реальность слиается с воображаемой Индией. Следовательно, уникальность изображения Востока у Иванова заключается в его глубокой сакрализации.

4. Восточные сюжеты и их место в русской литературе

Значение рассматриваемого феномена для истории русской литературы представляется глубоко амбивалентным.

Несомненным достоинством распространения восточных сюжетов в русской культуре становится расширение культурного горизонта литературного сознания. Писатели стали смотреть на мир гораздо шире, в частности, больше не воспринимали Восток как нечто диковинное. Это наиболее ярко проявилось в творчестве таких авторов, как Д. А. Фурманов, чьи персонажи были лишены традиционной атрибутики «дикости» или «врожденной мятежности». Вместо этого они показаны как жертвы социальной несправедливости. К тому же, обращение к восточным темам позволило советским писателям выразить сложнейшие экзистенциальные переживания эпохи «разлома», последовавшей за крушением империи и рождением нового мира. Роль эмигрантов в развитии традиции также уникальна: оказавшись в Харбине и других китайских городах, авторы создавали образы «утраченного Востока» Российской империи, что составило своеобразный диалог с советскими коллегами, как отмечает Чжан Юаньюань [23].

Однако это значимое явление было неразрывно связано с серьезными ограничениями, которые существенно влияли на результаты культурного обмена с другими культурами. Главным ограничением, проистекающим из самой природы ориентализма как концепта, сформулированного Э. Сайдом, стала его неизбежная двойственность, то есть постоянное балансирование между подлинным интересом к иной культуре и ее редукцией до проекции собственных страхов. Отсюда возникали глубинные стереотипы, связанные с Востоком: иррациональность, мистицизм, фатализм, вневременная духовность. Это приводило к упрощению и схематизации невероятно сложных восточных культур, их сведению к набору узнаваемых, но поверхностных клише. Следовательно, подобная трансформация образа Востока из декоративного в экзистенциальное стала важнейшей вехой в истории русской литературы.

Ярким примером подобной ограниченности служит использование восточного культурного наследия в рамках конкретных идеологических установок. Это особенно наглядно проявляется в литературных адаптациях фольклорных произведений, как, например, в творчестве Х. Г. Бахтиарова.

Еще одним ограничением было и то, что, несмотря на риторику интернационализма, фокус внимания часто смещался на те восточные регионы, которые были наиболее актуальны политически (Китай, Средняя Азия в связи с советизацией) или географически близки (Дальний Восток), оставляя другие области восточного мира в тени.

Заключение

На основе проведенного анализа можно заключить, что интерес к Востоку в русской литературе имеет глубокие корни, однако в 1920-е гг. он усилился. Его популярность была обусловлена комплексом факторов: необходимостью поиска альтернативы европоцентризму (Восток, особенно Китай, воспринимался как «братьский» народ на пути

к самоопределению), а также деятельностью литературных объединений (ЛЕФ, «Серапионовы братья»), которые видели в восточных сюжетах источник для новаторских художественных решений.

Неудивительно, что образ Востока в литературе 1920-х гг. был неоднороден, так как выполнял различные идеино-эстетические функции. Он мог служить воплощением революционно-утопических идеалов (Восток как союзник в борьбе за светлое будущее в произведениях Н. С. Тихонова и Х. Г. Бахтиарова), использоваться для критики империализма (как у Б. А. Пильняка), а также становиться основой для социально-классового анализа, где традиционная бинарность «Запад-Восток» преодолевалась через призму классового конфликта (например, у Д. А. Фурманова). Кроме того, восточные сюжеты нередко наполнялись философским содержанием, становясь способом поиска ответов на вечные вопросы через обращение к восточной духовности и символике (в творчестве Вс. Вяч. Иванова, К. К. Вагинова).

Особое место в этом ряду занимает писатель Вс. Вяч. Иванов, который выделяется глубоко сакрализованным восприятием Востока как мира высокой духовности, искупления и внутренней свободы, противостоящего хаосу современности. Его уникальность проявляется в использовании аутентичных символов китайской мифологии, таких как даосский принцип «белой смерти» или образ Красного Дракона. Следовательно, в его восприятии Восток является пространством для духовного поиска, что особенно ярко отразилось в произведениях «Возвращение Будды» и «Похождения факира».

Библиография

1. Сайд Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский Миръ, 2006. 640 с.
2. Дроздова А. А. Ориентализм как противоположность мультикультурализма // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2017. № 15. С. 61-65.
3. Вялых В. В. Ориентализм как типологический признак современного культурно-политического дискурса // KANT. 2019. № 1(30). С. 161-166.
4. Смышляев Е. А. Ориентальные мотивы в поэзии Н. Ф. Болдырева // Уральский филологический вестник. 2013. № 5. С. 212-219.
5. Андреева Е. Д. Ориенталистские мотивы в творчестве Генри Райдера Хаггарда. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2013. 175 с.
6. Красноярова А. А. "Китайский текст" в советской литературе 1920-1930 гг. // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 89-93.
7. Литовская М. А., Яо Чэнчэн. Китай и китайцы в русской советской детской литературе 1920-1930-х гг. // Детские чтения. 2017. № 1. С. 133-156.
8. Фомин И. А. Ориенталистский дискурс в раннесоветской художественной литературе о Средней Азии // Кунсткамера. 2021. № 4. С. 37-51. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-4(14)-37-51
9. Якимова С. И. Ориентализм как идеально-художественный концепт творчества писателя, мыслителя и журналиста Вс. Н. Иванова // Филология и человек. 2022. № 2. С. 7-18. DOI: 10.14258/filichel(2022)2-01.
10. Алламуратова А. Ж. Эволюция образа Востока в русской поэзии XX века // Молодой ученый. 2015. № 7 (87). С. 916-918.
11. Перова Е. Ю. Обращение к восточной тематике в русской культуре XX-XXI веков: причины, особенности, динамика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 10. С. 285-292.
12. Гаджиева Д. А. Восток в творчестве поэтов и писателей серебряного века как

- отражение евразийской мысли // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 62-66.
13. Папкова Е. А. Проблемы культуры в творчестве Всеволода Иванова // Сибирский филологический форум. 2021. № 2. С. 80-91. DOI: 10.25146/2587-7844-2021-14-2-80
14. Иванов В. В. Возвращение Будды: повесть. М.: Правда, 1991. 478 с.
15. Сорокина Г. А. Повесть Вс. Иванова "Возвращение Будды": идеи революции и буддизма // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 2(30). С. 155-162.
16. Папкова Е. А. Дальневосточные рассказы Всеволода Иванова начала 1920-х гг. // Наука и школа. 2022. № 4. С. 11-20. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-4-11-20
17. Цао Сюэмэй. Образ китайца в повести Вс. Иванова "Бронепоезд 14-69": новаторство и преемственность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 7 (13). С. 54-57.
18. Иванов В. В. Бронепоезд 14-69. М.: Молодая гвардия, 1932. 102 с.
19. Темиргазина З. К., Андрющенко О. К., Асельдерова Р. О., Николаенко С. В. Специфика ориенталистских мотивов в творчестве Павла Васильева-поэта азиатского фронтира // Oriental Studies. 2023. № 16(1). С. 232-244. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-65-1-232-244
20. Иванов В. В. Бронепоезд 14-69. М.: Вече, 2012. 352 с.
21. Старченко Г. Н. Реальное и вымышленное в романе Всеволода Иванова "Похождения факира" // Молодой ученый. 2013. № 1. С. 19-24.
22. Иванов В. В. Избранные произведения: в 8-х т. Похождения факира: роман. М.: Художественная литература, 1985. 647 с.
23. Чжан Юаньюань. Две ветви литературы русского зарубежья: специфика и особенности взаимодействия // Миграционная лингвистика. 2021. № 3. С. 84-98.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема представленной к публикации статьи нетривиальна, по-своему нова, главное – дискуссионна. Автор обращает внимание на проблему изображения Востока в русской литературе, в частности текстах Вс. Иванова. Бессспорно, что «генезис проблематики Востока в русской литературе охватывает несколько столетий. Её формирование детерминировано устойчивым интересом прозаиков и поэтов к культуре, истории и философии восточных народов, а также geopolитическими трансформациями, которые существенно влияли на восприятие восточного мира». Статья, на мой взгляд, сформирована вполне удачно; текст дробится на т.н. смысловые блоки, которые логически связаны друг с другом. Общая канва раскрытия вопроса выверена, серьезных разнотечений с уже высказанными мнениями нет, но усложнить работу желательно было бы развернутым анализом критических источников, где серьезной конструктивной оценки подвергнут образ Востока в русской литературе первой половины XX века. В целом же материал имеет завершенный вид, цель работы позиционно достигнута. Однако, текст необходимо вычитать, т.к. в нем встречаются ошибки / опечатки: например, «интерес к Востоку в русской литературе имеет глубокие исторические корни, однако в 1920-е гг. он усилился» и т.д. Стиль соотносится с научным типом, термины и понятия вводятся с учетом прямого значения: например, «анализ образа Востока невозможен без точного терминологического аппарата. Ключевыми понятиями в этой области выступают «ориентализм», а также «ориентальные» и

«ориенталистские мотивы». Однако случается так, что многие авторы используют их как взаимозаменяемые синонимы, что приводит к смысловым искажениям в текстах, которые не отражают аутентичность восточных культур в полной мере. Поэтому следует рассмотреть их поподробнее», или «ориентализм трактуется как инструмент для критики западной гегемонии, игнорирующей достижения других культур. Ориентальные мотивы же имеют аутентичный характер, так как появляются внутри восточных обществ. Им противопоставлены ориенталистские стимулы, которые рассматривают специфику взаимодействия Запада и Востока» и т.д. Думаю, что при небольшой правке стоит убрать формальное членение некоторых позиций (1. 2. 3.); желательно сложить и выводы в формате единого текста, а не пунктов. Сноски даются как стандартные отсылки, допустим в этом случае и диалог с оппонентами: например, «такого мнения придерживается и А. А. Красноярова, который считает, что в глазах советских читателей Китай стал символом страны, освобождающейся от колониализма на пути к национальному самоопределению. Подобная картина вызывала прямые ассоциации с российской историей, в результате чего китайцы стали восприниматься как «братья» [6, с. 90]». Считаю, что материал можно использовать в рамках изучения курса «История русской литературы». Основные требования издания учтены, но, повторюсь, незначительная правка необходима. Тоже касается и списка источников: скорректировать издательство, место издания, год... Например, «Иванов В. В. Седьмой берег. М.: Круг, 1923. 296 с.», или «Иванов В. В. Возвращение Будды. М.: Правда, 1991. 480 с.» и т.д. После внесения правки статья «Причины популярности и генезис восточной тематики в русской литературе 1920-х годов (на примере творческого наследия Вс. Иванова и его современников)» может быть рекомендована к публикации в журнале «Litera».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В статье «Причины популярности и генезис восточной тематики в русской литературе 1920-х годов (на примере творческого наследия Вс. Иванова и его современников)» автором рассматриваются проблемы отражения представлений о Востоке в творчестве Вс. Иванова.

В качестве материала в статье используются тексты прозаических произведений Вс. Вяч. Иванова «Возвращение Будды», «Бронепоезд 14-69», «История Чжень-Люня, искателя корня жень-шень», а также «Похождения факира».

В данных произведениях автор рассматривает отражения образов Востока, в частности, Китая и Индии, как художественных средств, с помощью которых писатель изображает портрет эпохи.

Работа состоит из введения, результатов работы, основной части, включающей 4 подраздела, заключения и библиографии.

В основной части автор рассматривает следующие аспекты ориентализма в русской литературе 20-х годов:

- 1) Факторы популярности восточной тематики в советской литературе 1920-х гг.
- 2) Художественное воплощение восточной тематики в творчестве советских писателей 1920-х гг.
- 3) Особенности изображения восточной тематики в творчестве Вс. Вяч. Иванова на фоне его современников.
- 4) Восточные сюжеты и их место в русской литературе

Автор подчеркивает отличия стиля Вс. Вяч. Иванова от его современников – Пильняка, Вагинова, Фурманова, а также отличия его образов Востока от бытовавших в ту эпоху культурных стереотипов, связанных с восточной деспотией и варварством.

В результате автор статьи приходит к следующим выводам:

«Вс. Вяч. Иванов выделяется глубоко сакрализованным восприятием Востока как мира высокой духовности, искупления и внутренней свободы, противостоящего хаосу современности. Его уникальность проявляется в использовании аутентичных символов китайской мифологии, таких как даосский принцип “белой смерти” или образ Красного Дракона. Следовательно, в его восприятии Восток является пространством для духовного поиска, что особенно ярко отразилось в произведениях “Возвращение Будды” и “Похождения факира”».

Стиль статьи соответствует уровню научной статьи и не содержит существенных недочетов.

Библиография содержит необходимое количество источников.

Однако, в структуре статьи отсутствуют необходимые элементы: цель и задачи работы, актуальность и новизна исследования, предмет и объект исследования, методы исследования. Все это не позволяет сделать вывод об объективности полученных результатов.

Таким образом, статья «Причины популярности и генезис восточной тематики в русской литературе 1920-х годов (на примере творческого наследия Вс. Иванова и его современников)» является исследованием, открывающим новые перспективы в области изучения языка русской ориенталистской мысли в литературе 20-х годов XX в., однако на данном этапе она не может быть рекомендована к публикации в журнале Litera без доработки.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемом материале является восточная тематика в русской литературе 1920-х годов на примере творческого наследия Всеволода Вячеславовича Иванова и его современников). Актуальность работы не вызывает сомнения и обоснованно аргументируется как повышенным интересом к творческому наследию Вс. Вяч. Иванова («о чем свидетельствуют переиздания его произведений» в последние годы), так и значимостью ориентальной тематики, которая «превратилась в средство формирования национальной идентичности в контексте конструирования нового мира, что наиболее ярко проявляется в творчестве Вс. Вяч. Иванова, Б. А. Пильняка и ряда их современников».

Теоретической базой исследования послужили работы по ориентализму и ориентальным мотивам в литературе, по специфике обращения к восточной тематике в русской культуре XX-XXI веков, изучению творчества Всеволода Вячеславовича Иванова и др. Библиография насчитывает 23 источника, в том числе литературные, что представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики; соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью («заключается в осмыслении причин популярности и тематики восточных сюжетов, представленных в произведениях советских авторов 1920-х гг.»): применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение,

обобщение, интерпретацию, классификацию материала; культурно-исторический метод и сравнительно-исторический анализ, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также мотивный анализ («для интерпретации элементов, структурирующих образ Востока»).

В ходе работы определены и охарактеризованы факторы, которые обусловили повышенный интерес советских авторов первой половины XX века к восточной тематике; проанализированы особенности художественного воплощения восточных мотивов в творчестве советских писателей этого периода; описан и сопоставлен с художественными решениями современников творческий подход Вс. Вяч. Иванова; оценено место восточных сюжетов в общей парадигме русской литературы 1920-х годов. В заключении автор(ы) подытоживают, что интерес к Востоку в русской литературе имеет глубокие корни; однако образ Востока в литературе в 1920-е годы неоднороден, так как выполняет различные идеино-эстетические функции; Вс. Вяч. Иванов «выделяется глубоко сакрализованным восприятием Востока как мира высокой духовности, искупления и внутренней свободы, противостоящего хаосу современности» и др. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Таким образом, автор(ы) провели достаточно обширный анализ состояния исследуемой проблемы. Полученные результаты однозначно имеют теоретическую значимость, которая обусловлена их вкладом в изучение русской литературы первой половины XX века. Практическая значимость работы состоит в возможности использовать ее результаты в курсах по общей теории литературы, по истории русской литературы XX века, в спецкурсах, посвященных творческому наследию Всеволода Вячеславовича Иванова и др.

Представленная на рассмотрение рукопись имеет четкую, логически выстроенную структуру: вводная часть с постановкой цели и задач, актуальностью и новизной; основное изложение материала с последовательным анализом; заключение, в котором обобщаются полученные результаты. Исследование выполнено в русле современных научных подходов. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания. Статья является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Работа будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».